

Например, в болгарском говоре Копривштицы (в Болгарской НР, к югу от Пирдопа) было записано слово *лѣмав* «ленивый», «нетрудолюбивый», «слабый», «бессильный» (см. *Дополнение* к словарю Н. Герова, составленное Т. Панчевым, Пловдив, 1908, стр. 192). Для установления этимологии этого диалектизма, которая, кажется, пока еще не дана (*Младенов*, 272, 282), по-видимому, небезынтересным будет сближение со словом *лѣмав* «однорукий», «человек с парализованной рукой», «калека», «нетрудоспособный», встречающимся в уже упомянутом болгарском говоре Тырговиште (см. § 6).

3. В славянских говорах РНР имеются слова явного славянского происхождения и с прозрачной внутренней формой, которые однако не засвидетельствованы в данном литературном языке и в диалектах. Словообразовательная структура и семантика таких слов представляют для этимологов большой интерес.

Например, в русском говоре села Липовень употребляется слово *бан'ак* «металлический сосуд для стирки белья», которое не засвидетельствовано ни в литературном языке (см. *Евг.*, I, 61, *СлСРЛЯз.*, I, 270), ни в говорах (*Даль*, I, 45). Поскольку в южновеликорусских говорах имеется глагол *банить* «мыть», «чистить водою» (*Даль*, I, 45), можно установить, что *бан'ак* (Липовень) образовано от глагольной основы при помощи суффикса *-ак* (*-як*). Здесь примечательным является то, что получившееся таким путем имя существительное способствует количественному увеличению реально существующих слов, образованных по той же модели: в современном русском языке — по крайней мере в литературном языке — такого рода образования редки¹.

4. В славянских говорах нашей страны иногда встречаются такие слова, которые, будучи построены по всем словообразовательным правилам данного славянского языка, все-таки не отражаются в имеющейся до настоящего времени лексикографической литературе. Остановимся на двух примерах.

В болгарском говоре Тырговиште понятие «учитель» обозначается словом *наѹчник*, нигде в проконсультированных нами источниках не засвидетельствованным (*Речник*, II, 207—208; *Геров*, III, 240; *Младенов*, 343). Если это новообразование, появившееся в условиях отрыва данного говора от общebolгарского языка, оно примечательно тем, что указывает на живучесть данной словообразовательной модели; если же это старое слово, имевшееся в говоре еще до переселения в Валахию, тем интереснее (и сложнее): ставится вопрос, в каком оно было семантическом соотношении с ныне забытым в говоре общebolгарским словом *учител*.

В русском говоре села Липовень для понятия «шепелявый» имеется весьма прозрачное слово *короткоязы́кий*. На наш взгляд, оно примечательно тем, что, несмотря на исключительную продуктивность данной словообразовательной модели (словосложение), не отражается в основных словарях русского языка (см. *Даль*, I, 169; *Евг.*, II, 140; *СлСРЛЯз.*, V, 1463—1464). Отсюда небезынтересный для этимологов вывод, что

¹ См. *Грамматика русского языка*, I, § 353, стр. 235.